

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

МОИ СКИТАНИЯ

Николай Гарин-Михайловский

Мои скитания

«Public Domain»

1899

Гарин-Михайловский Н. Г.

Мои скитания / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1899

«Там, где сплошные необозримые леса без жилья укрыли землю и шумят в непогоду, как море в бурю; где рыщут в них волки, рыси, лисицы, барсуки – все питающиеся за счет все того же всеотдувающегося зайца; где царит неповоротливый с виду Мишка; там, где протекает Керженец, где снились чудные сказки Печерскому, – короче, в лесах и дебрях Костромской губернии я делал недавно изыскания...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1899

© Public Domain, 1899

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Гарин-Михайловский

Мои скитания

I

Там, где сплошные необозримые леса без жилья укрыли землю и шумят в непогоду, как море в бурю; где рыщут в них волки, рыси, лисицы, барсуки – все питающиеся за счет все того же всеотдувающегося зайца; где царит неповоротливый с виду Мишка; там, где протекает Керженец, где снились чудные сказки Печерскому, – короче, в лесах и дебрях Костромской губернии я делал недавно изыскания.

Редкие деревушки, попадавшиеся на пути и ни на каких картах не значащиеся, – деревушки, сообщение с которыми поддерживается только по зимам, или каким-нибудь кружным на сотни верст водным путем, – были поистине в идеальных условиях опрошения и для исследователя капитального вопроса наших дней: что больше развращает человечество, культура или некультура, – предоставляли богатый материал.

В одну из таких деревень я попал однажды под вечер, когда золотившаяся пыль вечернего солнца осыпала лес и он светился на синем фоне неба, как прозрачный, а в воздухе было тихо и чирикала звонко какая-то птичка; кавалькада человек тридцать, нас, изыскателей, появилась вдруг невидимо откуда на опушке леса перед маленькой деревушкой, лениво раскинувшейся между обгорелыми пнями с кое-как выпаванными между ними кулигами.

Наше появление не замедлило обратить на себя внимание обитателей. Первыми бежали ребятишки и девчонки, за ними более взрослые, вплоть до самых ветхих стариков. Таких стариков в городах не встретишь.

Вся толпа, сбившись у изгороди, смотрела на странное, невиданное зрелище.

Было на что посмотреть!

Впереди ехали мы, – старшие, в наших американских с двумя козырьками шляпах, с револьверами за поясом, в самых разнообразных костюмах. За нами следовали волокуши. Это – две оглобли с перекладкой посреди, на которую кладутся вещи; в оглобли впрягается лошадь, на лошадь садится кучер, и такой экипаж, только такой, может безнаказанно прыгать с пенька на пенек той просеки, которая прорубается для него и для линии. Наконец, сзади этих волокуш шло пешее войско с соответственным вооружением: высокие рейки колыхались, как знамена; вешки, как пики; нивелиры, теодолиты и гониометры, звук цепей...

Большой контраст культуры и некультуры трудно было и представить, с одной стороны, пионеры последней цивилизации, с другой – типы, некоторым образом, первобытных времен, внуки Дажь-бога, окруженные своими болотами, лешими и русалками. И все это на прекрасном вечернем фоне догорающего дня, тишины, аромата, безмятежного синего неба с освещенными облаками, такими же причудливыми, как и везде, – где-нибудь в Париже или на южном берегу Крыма...

Но здесь глушь, тайга, сырость и комары, и лес, как кладовая старого скряги, таит в себе больше негодного хлама, веками гниющего, чем полезного строевого материала. Пройдут века, и, конечно, культурный обильный лес сменит этот хлам веков, но пока это только хлам, и мы в нем, изъеденные комарами, слепнями, оводами, мошкаррой. И так отдыхает взгляд после недельного перехода даже на таком слабом намеке на поле, как это, которое с обгорелыми пнями расстилается теперь перед нами.

Некультурная сила, в лице девчонок и ребятишек, дрогнула и пустилась в бегство при нашем приближении. Впрочем, в позах взрослых было столько сомнения, что сделай наши рабочие какой-нибудь воинственный звук, и вся толпа обратилась бы в такое же бегство.

Также бывало и раньше, но с тех пор был отдан раз навсегда строжайший приказ – не ставить вперед местное население в унижительное для него положение. И вот рабочие, несмотря на величайший соблазн и охватившую их радость при виде жилья, двигаются молча, а бородастые представители здешних мест и грязные, неряшливые представительницы без головных повязок, в синих пестрядинных сарафанах, продолжают смотреть, вот-вот готовые бежать без оглядки.

Мы ровняемся, и крестьяне торопливо стаскивают свои домашней работы шляпы, а бабы так и замерли, впившись в нас глазами.

– Как называется деревня? – бросаю я с высоты своего рослого коня.

– Светленькая, – раздается несколько человеческих старческих голосов.

Некоторые из парней с удивлением смотрят в лица крикнувших ответ, – может быть, и для них новость, что деревня называется «Светленькой».

Впечатление дикости этой толпы так в нас велико, что в первое мгновение во мне является что-то вроде удивления по поводу того, что я слышу членораздельную речь.

– Здравствуйте, старики!

– Здравствуйте и вы!

– В гости приглашайте!

Молчание.

– А что же? – лепечет какой-то ветхий-преветхий маленький старик, – коли не супостаты да со знаменем божиим – милости просим.

Мой помощник, черногорец, инженер, пренебрежительно, без рассуждения берет тон человека, привыкшего властвовать.

– Староста где?

Черногорец невысокого мнения о моем умении авторитетно поставить себя; он считает, что я удивительный мастер распускать всех, не исключая и его.

Я в свою очередь невысокого мнения о его уменье: быть грубым, вспыльчивым, грозить то и дело дать в морду, а иногда переходить и от слова к делу – приемы плохого унтер-офицера или бурбона из кантонистов. Но он талантлив, прекрасно знает свое дело, любит его, неутомим в работе и следовательно вполне годится для своей роли – пионера последней цивилизации. Иногда он бесцеремонно, с клокотанием и болью Отелло, раздраженно машет рукой и с налившимися глазами рычит на меня:

– Вы, Николай Георгич, ей-богу, как... бить их надо!..

– Послушайте, даже обидно слышать это, – возражаю я, – представьте себе, я являюсь в вашу Черногорию и начну вам доказывать, что надо бить черногорцев. У вас не заболит сердце, что гость вашей страны так возмутителен со своими хозяевами?

– Черногорец не доведет до этого, а русский доведет...

– Что ж, черногорец культурнее?

– Никакого сравнения!..

– Кулачная расправа тоже, в числе культурных приемов, заимствована вами?

– Когда иначе нельзя, то надо бить.

– Но я же никого не бью!

– А кто вас боится?

– Мне этого и не надо, – мне надо, чтобы вверенное мне дело шло успешно; дело и хозяин, а вы, я, все мы – нуль.

– Всё разговоры... ей-богу, вы умный человек, а такие вещи говорите...

Староста неохотно, боком протиснулся из толпы. Это был светлорослый, густобородый, лет пятидесяти крестьянин с холодными серыми глазами, смотревшими твердо, уверенно и без смущения.

– Ты староста?

– Мы.

– Какой здесь самый лучший дом?

Староста слегка прищурился, кашлянул в руку, переступил с ноги на ногу и, не торопясь, спросил:

– А вам на что?

Черногорец так и вскипел. Замахнувшись нагайкой, он бешеным шепотом прошипел:

– Да как вытяну я тебя, мерзавца, – научишься разговаривать, скотина!

Дикий вид черногорца, его черные глаза без зрачков и синие белки смутили невозмутимого старосту. Но я не мог больше оставаться равнодушным и сказал несколько французских фраз черногорцу, после которых он плюнул, отъехал и стал безнадежно смотреть на синюю полосу окружавших нас лесов. Я продолжал переговоры.

Лучший дом оказался принадлежащим старосте, и, после некоторого колебания и с восстановившимся достоинством, староста изъявил согласие взять нас, начальство, к себе.

Странный человек – черногорец: сам он, как и вся его нация полны чувства собственного достоинства. Вся кровь, веками проливаемая в войне с турками, сводилась к поддержанию, в сущности, только этого достоинства. А в других ничто его так не раздражает, как именно это достоинство. Я давно знаю своего черногорца. Когда он был помоложе и печень его была нормальна, он был и мягче и жизнерадостнее, был занимательным и изобретательным, каким может быть только молодой медвежонок: он играл на губах, пилил, подражая звуками пиле, острил, знал множество фокусов и хлопал пальцем изо рта, как самая настоящая пробка шампанского. Дамы ласкали его, мужья смотрели глазами своих жен, и дела черногорца шли, как по маслу. Он и теперь далеко не стар, но уж очень тяжел, болеет печенью и потому раздражителен, не нуждается больше в снисхождении, потому что знает свое ремесло, и ищет хороших заработков. В редкие мгновения он становится прежним веселым и беззаботным черногорцем, для которого море по колено, которого когда-то австрийское правительство приговорило к расстрелу за боснийское восстание, и он, – австрийский инженер, – с потерей всех прав, бежал в Россию, где пришлось начинать с самого начала, с самых первых ступеней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.